

*Ручей журчит во мгле долины,
Вдали гремит весенний гром,
Ленивый ветер в листьях осины
Трепещет пойманным крылом.*

Этот отрывок из юношеского стихотворения Тургенева «Весенний вечер», образцово поэтический и живописный, весьма определяет одно из обычных состояний души Тургенева, всю жизнь трепетавшей пойманным крылом в многообразном плену. Весь любовь, он прожил жизнь почти без радостей любви; всем своим нравом и чувствованием русский, он прожил полжизни вне России; один из лучших, и долгое время считавшийся лучшим среди художников русской прозы, он всю жизнь оставался не прозаиком, а поэтом.

Не все те поэты, кто пишет стихи. Многие из них всю жизнь лишь стихотворцы, не выходящие до поэзии. И, наоборот, многие из тех, кто пишет прозу, часто даже и не воображают, что они великолепные поэты. Кто высказал следующую мысль? «Источник песни — любовь; в своём первоявлении, она среди живых, есть мужской голос к подруге». Можно подумать, что это сказал какой-нибудь зоркий поэт. Так оно и было. Но имя этого поэта — Чарльз Дарвин, а жизнь его, путешествия и все его проникновенные сочинения суть действительно поэмы. Так же точно, в философских своих работах, Ницше, посредственный философ, но первоклассной силы поэт, — как поэт Шопенгауэр в своей причудливой «Метафизике любви». Несомненными поэтами во всех своих повествованиях, письмах и рассуждениях были лучшие русские прозаики XIX века: Гоголь, Аксаков, Тургенев и Достоевский.

Тургенев начал со стихов, но скоро бросил их и сам своих стихов не любил. Совершенно напрасно те, кто пишут и говорят о Тургеневе, повторяют эту тургеневскую несправедливость к стихам Тургенева и обходят их молчанием, как нечто не заслуживающее внимания. В своих лирических стихах и в поэмах Тургенев нередко достигает истинного изящества и подлинной силы. В поэме «Параша» мы находим такую жемчужину:

Люблю я пышных комнат стройный ряд,
И блеск, и прихоть роскоши старинной...
А женщины... люблю я этот взгляд
Рассеянный, насмешливый и длинный;
Люблю простой обдуманый наряд...

Скоро наступит зима; под тонким и звучным железом,
Резвых саней завизжит холодом стиснутый лёд.
Ярко мороз затрещит; румяные щёки красавиц
Вспыхнут; иней слегка длинных коснётся ресниц.
(«Первый снег»)

И эти две божественные строчки из стиха «На охоте летом»:

Все раскинулись члены; стихают горячие волны
Крови; машет на нас тёмными маками сон.

В этих волшебствующих маках не чувствуется ли уже расцветшей вся магия таких повестей-поэм Тургенева, как «Часы», «Клара Милич» и «Песнь торжествующей любви»?

Я любопытствую, почему, истинный поэт, всю жизнь свою чтивший и любивший Пушкина, Тургенев отошёл, и не отошёл, а резко отвратился от своих стихов? Вся жизнь, вся личность Тургенева полна загадок. Загадкой является и этот вопрос, который я ставлю. Я думаю, что поэты, пошедшие в русской поэзии дорогой пушкинского ямба, уже доведённого до предельного совершенства, и тем самым исчерпанного самим Пушкиным, пошли дорогой неверной. Самый сильный из них, Лермонтов, отнюдь не украсил, — ни «Демоном», ни другими ямбическими поэмами, — того, что так хорошо у Пушкина, и наилучшими стихами Лермонтова являются те, где напевно он не следует Пушкину, а близок к народной песне и пользуется размерами, вообще говоря, Пушкину чуждыми, хотя он ими владеет прекрасно, дактилем, амфибрахией и анапестом, что составило позднее силу Фета, Некрасова и музыкального русского стиха конца XIX века. Тургенев, быть может, ушёл от стихов совершенно произвольно, был отброшен от них будто безотчётным, а на деле зорким указанием, чувствуя, что в стихе он явление повторное и производное, тогда как в духе его таятся могучие силы, совершенно первородные и присущие ему, и только ему, как писателю.

Форма лёгкой, прозрачной, музыкальной повести-поэмы, где самые действительные, реальные положения и лица превращаются в потусторонние явления и сновидческие призраки, Тургеневым найдена самостоятельно и принадлежит именно ему. Это не символическая сказка Гофмана или Эдгара По и не насыщенное грозным гипнозом видение Бальзака, Гоголя, Достоевского, это именно музыкальные сны, — не офорты, а пастели, не литавры, а заглушенная виолончель.

«Природа нам даёт таинственный урок» говорит в «Вечере» стих Тургенева. Но тут же и признание:

В моей душе тревожное волненье:
Напрасно вопрошал природу взором я;
Она молчит в глубоком усыпленье —
И грустно стало мне, что ни одно творенье
Не в силах знать о тайнах бытия.

О тайне бытия исчерпывающую мысль в двух словах давно, как золотой обруч, бросил нам Гераклит: «Панта реи» — «Всё течёт, всё в потоке». Тургенев всё время чувствует этот поток. И в поэме «Андрей» он говорит:

И мчится жизнь, играя на просторе,
В далёкое, таинственное море, —

и в письме к графине Ламберт от 1862 года пишет из Парижа, что он чувствует себя «на берегу невозвратно текущего океана», «в брызгах и в пене реки времён». Но в то время, как весь Гераклит есть творческое ликование первородного Огня и священное слияние с ним боевой человеческой души, Тургенев, полный того, что в его время называлось резигнацией, пишет в 1856 году из села Спасского той же графине Ламберт: «Должно учиться у природы её правильному и спокойному ходу, её смирению». В письме к мадам Виардо из Парижа в 1848 году он делает замечательное определение своего мироощущения: «Ах! Я не выношу неба — но жизнь, действительность, её капризы, её случайности, её привычки, её мимолётную красоту... всё это я обожаю. Я ведь прикован к земле. Я предпочту созерцать торопливые движения утки, которая влажной лапкой чешет себе затылок на краю лужи, или длинные сверкающие капли воды, медленно падающие с морды неподвижной коровы, которая только что напилась в пруду, куда она вошла по колено, — всему тому, что херувимы... могут увидеть в небесах». Мне кажется одно слово здесь неточно: не «созерцать», а «наблюдать». Здесь лишь созерцающее наблюдение художника, а не созерцание философа или поэта, которое всегда приводит к полному утолению, к сознанию неразрывной связи человеческого «я» с Мудрой Силой, управляющей всеми мирами. Художник-живописец, или художник слова, лишь закрепляет данное мгновение, — поэт, влюблённый в Природу, всегда вбрасывает данное мгновение в бесконечную созвонную цепь Мировой Жизни.

Именно, как художник-живописец, как прозаик, Тургенев разделяет небо и природу. Поэт — будь то Фет или Тютчев у нас, или Блейк и Шелли в Англии, или Гёте и Новалис в Германии, — будучи влюблённым Природы, естественно и неизбежно восходит от земли — и к облачному простору, к земному небу, и к отдалённейшему небу звёзд, и к внутреннему зодческому Небу Небес.

Я раскрываю наудачу «Дворянское гнездо». Глава 27: «Ночь, безмолвная, ласковая ночь, лежала на холмах и на долинах; издали, из её благовонной глубины, Бог знает откуда — с неба ли, с земли, — тянуло тихим и мягким теплом». Я раскрываю том стихов Тютчева, «Ночные голоса»:

Как сладко дремлет сад тёмно-зелёный,
Объятый негой ночи голубой;
Сквозь яблони, цветами убелённой,
Как сладко светит месяц золотой!..
Таинственно, как в первый день созданья,
В бездонном небе звёздный сонм горит...

Вот отдельная линия между художником-прозаиком и художником-поэтом. В высокой своей художественной жизни Тургенев так же загадочно-двойственен и надломлен, как в высокой своей любви. Отказавшись от венка и венца поэта, он потерял дорогу к тому высокому мудрствованию, которое есть неизбежная награда, утоляющая поэта, влюблённого в Природу. Но, отдавшись художественной прозе, он разлил в ней все свои драгоценные свойства поэта так обильно и полно, что чуть не каждой странице Тургенева свойственно описание, а в каждом описании просвечивают все элементы лирики — они полны такого словесного подъёма и проникновения, такой слоговой-звуковой музыки, что хочется воскликнуть словами же Тургенева.

Кто вдруг освободил его? Речам
Дал звук и силу?

(«Андрей»)

Тургенев своей высокой любовью к художественному слову, постоянным стремлением к золотому обрамлению прозы поэзией и насыщению её музыкой был неотлучным учителем и спутником моей жизни. Мне было десять лет, когда я прочёл первую его повесть-поэму «Первая любовь». Между 14 и 16 годами, когда я искал и нашёл в себе поэта, он был любимым моим русским писателем. Когда я писал первые свои книги стихов, я иногда, наудачу раскрыв ту или иную книгу Тургенева, тотчас встречался с сочетанием слов, которое немедленно внушало мне звучную песню. Это свойство тургеновского слова пробуждать во мне песню не утратилось для меня и теперь. Тоскуя перед полночным камином, в пустынном зимнем Капбретоне, три года тому назад я перечитывал «Дворянское гнездо» и прочёл слова: «закрыв глаза рукою, в оцепенении очарования...». Оцепенение очарования! — воскликнула моя мысль в восхищении, лучше сказать нельзя, — и тотчас возник стих.